ЭПОХА ХАНЬ

Несмотря на то что Лу Синь в свое время писал, будто «среди тех из сохранившихся сяошо, что называют ханьскими, вероятно, нет ни одного действительно ханьского», современная китайская филологическая наука с теми или иными оговорками называет девять относимых к сяошо текстов, которые дошли до нашего времени от династии Хань [1]. Эти тексты сохранились полностью (или с минимальными потерями): «Янь дань цзы» (燕丹子 «Яньский наследный принц Дань»), «Хань у гу ши» (漢武故事 «Старые истории о ханьском У[-ди]»), «Хань у нэй чжуань» (漢武內傳 «Официальное жизнеописание ханьского У[-ди]»), «Фэй янь вай чжуань» (飛燕外傳 «Неофициальное жизнеописание Фэй-янь»), «Ле сянь чжуань» (列仙傳 «Отдельные жизнеописания бессмертных»), «Си цзин цза цзи» (西京雜記 «Разные записки о Западной столице»), «Дун мин цзи» (洞冥記 «Записки, раскрывающие суть»), «Шэнь и цзин» (神異經 «Книга о чудесах духов») и «Ши чжоу цзи» (十洲記 «Записки о десяти островах»). Кроме того, существует еще ряд ханьских текстов сяошо, доступных в реконструкции по сохранившимся в иных собраниях и антологиях фрагментам: «Шу ван бэнь цзи» (蜀王本紀 «Анналы шуских князей»), «Сюй янь ван чжи» (徐偃王志 «Записи о сюйском Янь-ване»), «Шэнь сянь чжуань» (神仙傳 «Жизнеописания святых-бессмертных») и «И вэнь цзи» (異聞記 «Записки слышанного о странном»). Перечисленные выше произведения распадаются на две большие группы: бытовавшие отдельно и часто значительные по объему тексты («Янь дань цзы», «Фэй янь вай чжуань», др.) и сборники сяошо («Ле сянь чжуань», «Си цзин цза цзи» и прочие).

При обращении к этим текстам проблема того, какие именно из них следует считать сяошо, а какие относятся к пограничным с сяошо сочинениям, стоит особенно остро: для данного периода времени представления о сяошо как о прозе (скорее художественной, нежели деловой) были еще очень далеки от оформления. Сосуще-

---

[1] *Лу Сюнь*. Чжунго сяошо шилюэ. С. 32.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

ствование нарождающейся традиции сяошо с уже устоявшимися прозаическими жанрами делает весьма хрупкой ту грань, которая отделяет сяошо от не-сяошо, и здесь весьма характерным будет пример жанра отдельных жизнеописаний (*ле чжуань* 列傳). Как известно, канон данного жанра заложил знаменитый историк Сыма Цянь в своем знаковом для китайской словесности сочинении «Ши цзи». Ю. Л. Кроль подчеркивает, что влияние «Ши цзи» на последующую китайскую литературу было очень разносторонним: «Оно проявилось в области мыслей, настроений и тем, в области формальных приемов, а также в сфере жанрообразования. Величайшим вкладом Сыма Цяня в китайскую литературу было то, что он первый воплотил в своих биографиях принципы изображения человека, которые стали одной из отличительных особенностей китайской культуры» [1]. Подход к отбору фактов, использованный Сыма Цянем при написании биографий выдающихся исторических личностей, довольно быстро стал главенствующим не только в исторических — официальных и неофициальных — сочинениях последующих эпох, но и в произведениях, которые ныне мы склонны относить к художественной литературе [2]. Сам термин «ле чжуань», введенный Сыма Цянем, очень быстро оказался принят на вооружение младшими современниками великого историка, видевшими в «Ши цзи» эталон высокой словесности подобного рода, и многие их сочинения по своей форме вполне могут рассматриваться как подражания образцам из «исторических записок»; появляются в них и морализаторские выводы a la Сыма Цянь, которыми биографии в «Ши цзи», как правило, заканчиваются и которые маркированы 太史公曰 «я, тайшигун, скажу так». И это верно как для сочинений чисто исторических, так и для — сяошо. Заложенные Сыма Цянем принципы «жизнеописательных» сочинений оказались очень живучи — они явным образом чувствуются даже много веков спустя, например, в некоторых танских новеллах *чуаньци* да и в более поздних произведениях; часто именно

---

[1] *Кроль Ю. Л.* Сыма Цянь — историк. С. 66.

[2] Биографии Сыма Цяня характеризуются весьма функциональным подходом, когда человек изображается «с точки зрения выполнения им определенных социальных функций, подробности его личной жизни выпадают из поля зрения историка. В результате весь отбор сведений для биографии ведется очень односторонне: материал подбирается лишь для иллюстрации того, как человек выполняет (или не выполняет) нормы нравственного поведения, иллюстрации его воли, идеи судьбы и др. <...> Огромное количество фактов жизни неизбежно остается за бортом такой биографии». Все это позволяет, пишет Ю. Л. Кроль, определить биографии из «Ши цзи» как «биографии-характеристики» или как «биографии — функциональные характеристики» (*Кроль Ю. Л.* Сыма Цянь — историк. С. 67—69).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

ранние сочинения, содержащие в названии иероглиф *чжуань*, и вызывают в ученом сообществе споры относительно того, считать ли данное сочинение историческим — или все же отнести к сяошо.

Тем не менее, в группе сяошо, считающихся ханьскими, есть безусловный набор произведений, которые фигурируют в каждой китайской истории прозы сяошо; с другой стороны, — именно отсутствие отчетливых представлений о сяошо во времена Хань предоставляет случай рассмотреть тезисно и спорные тексты (или хотя бы упомянуть о них), что мы и сделаем ниже, фокусируясь при этом на текстах «бесспорных».

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство, с которым мы столкнемся при разговоре о сяошо ханьского времени: это проблема их аутентичности. К сожалению, в отношении многих сяошо этого периода мы не располагаем бесспорными свидетельствами, что они действительно появились при Хань. Происхождение ряда сочинений вызывает в научном сообществе определенные сомнения, не находящие, как правило, однозначного решения, и поэтому мы будем вынуждены ориентироваться главным образом на уже сложившуюся традицию, отмечая при этом существующие точки зрения на время создания и аутентичность тех или иных ханьских сяошо.

Отдельные тексты

«Янь дань цзы» 燕丹子

«Янь дань цзы» (燕丹子 «Яньский наследный принц Дань») построен как раз по образцу «биографии-характеристики» Сыма Цяня. В основе этого небольшого (немногим более двух тысяч восьмисот иероглифов) текста лежит исторический эпизод, когда Дань 丹, наследник престола древнекитайского царства Янь (в районе совр. г. Пекина), существовавшего в качестве независимого владения с 864 по 227 г. до н. э., будучи отправлен в царство Цинь в качестве заложника и оскорблен отношением к нему при циньском дворе, бежал на родину [1]. В Янь наследный принц, одержимый жаж-

[1] «По принятым в период Чжоу правилам, *чжухоу* (владетельные князья. — *И. А.*) княжеств обменивались своими сыновьями (иногда даже старшими сыновьями — наследниками) в качестве *чжи* 質 или *чжицзы* 質子 (заложников), с целью гарантий лояльности» (*Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 8. С. 359).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

дой мести, обрел единомышленника в лице благородного поборника справедливости Цзин Кэ (荊軻 ?—227 до н. э.), который из высших соображений взялся умертвить циньского владыку, перед этим объяснив, за что конкретно его убивает. Был составлен план проникновения к циньскому двору и Цзин Кэ почти удалось его осуществить, но в последний момент циньскому владыке (будущему Цинь Ши-хуану 秦始皇帝, на троне 241—209 до н. э.) удалось избежать смерти и убить самого Цзин Кэ, в результате тот погиб, так и не осуществив обещанной мести.

У Бань Гу в «Хань шу» данный текст не числится [1]. В поле зрения официальных библиографий «Янь дань цзы» появляется лишь при правлении дома Суй (581—618), когда этот текст оказался занесен в библиографический раздел династийной истории по разряду «сяошо» (цз. 34) и где о нем сказано только лишь: «В одной цзюани». В старой танской династийной истории говорится уже о трех цзюанях (цз. 47) [2]. В ныне известном тексте «Янь дань цзы» — тоже три цзюани, его критическое издание основано на цинской ксилографии, изданной библиофилом, коллекционером и поэтом Сунь Син-янем в его серии «Пин цзинь гуань цун шу» по списку, вошедшему в свод «Юн лэ да дянь» [3]. Наиболее авторитетное современное

---

[1] Но зато в «Хань шу» указаны тематически близкие «Янь ши ши» (燕十事 «Десять событий в Янь») и «Цзин кэ лунь» (荊軻論 «Рассуждение о Цзин Кэ»). Интересно, что первый текст числится в разделе «фацзя» (法家 «школа легистов»), а второй — в «цзацзя» (雜家 «разные школы») и приписывается Сыма Сян-жу (司馬相如 179—117 до н. э.).

[2] И там же, кстати, указан автор: 燕太子丹, то есть сам наследный принц Дань. Никаких оснований для такого утверждения нет. Под старой танской династийной историей я имею в виду «Цзю тан шу» (舊唐書 «Старая история [династии] Тан»), составленную позднецзиньским историографом и политиком Лю Сюем (劉昫 887—946).

[3] Известный библиофил, коллекционер, текстолог, каллиграф и каноновед Сунь Син-янь (孫星衍 1753—1818) рано прославился как выдающимся литературным слогом, так и энциклопедическими познаниями. Был высокопоставленным чиновником, на склоне лет служил ректором нескольких знаменитых частных академий. «Пин цзинь гуань цун шу» (平津館叢書 «Книжная серия из резиденции в Пинцзине») стала одним из итогов более чем тридцатилетних усилий Сунь Син-яня на текстологическом поприще (вторая выпущенная Сунем ксилографическая серия называлась «Дай нань гэ цун шу» 岱南閣叢書, «Книжная серия из палаты Дайнаньгэ»), — она включает сорок три сочинения в десяти выпусках, общим числом двести пятьдесят четыре цзюани; отредактированные Сунь Син-янем тексты специалисты ценят как прекрасно выверенные. «Юн лэ да дянь» (永樂大典 «Большое собрание годов Юнлэ») — пожалуй, самое грандиозное собрание в истории китайской письменной культуры, по крайней мере самое большое по объему (22 877 цзюаней в 11 095 томах). Было подготовлено по августейшему распоряжению минского двора в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

издание критического текста «Янь дань цзы», подготовленное Чэн И-чжуном, базируется именно на этом издании [1].

Автор «Янь дань цзы» неизвестен, время создания туманно, и по поводу последнего в современной китайской науке существует три основные точки зрения. Первая принадлежит Лу Синю, который в свое время высказал мнение, что «Янь дань цзы» — произведение доханьское [2]. Эту же точку зрения разделяет известный корифей в области китайской классической литературы Хо Сун-линь (霍松林 р. 1921) [3]. Вторая точка зрения состоит в том, что «Янь дань цзы» был создан в конце правления династии Хань, и здесь более точная датировка также проблематична: например, Ван Тянь-хай (王天海 р. 1948) считает, что «время создания "Яньского наследного принца Даня" — после того, как Лю Сян отредактировал "Планы сражающихся царств", но определенно до "Записей о всех вещах" Чжан Хуа (張華 232—300)» [4]. Согласно третьей точке зрения, текст «Янь дань цзы» появился еще позднее — известный специалист в

период с 1403 по 1404 г. (годы под девизом правления Юн-лэ, 1403—1424, откуда и название) комиссией из 147 ученых во главе с Се Цзинем (解縉 1369—1415) и представляло собой свод всех известных на то время сочинений в самых разных областях (конфуцианство, даосизм, буддизм, история, философия, астрономия, география, медицина и т. д.). В 1405 г., опять же по августейшему повелению, было основательно переработано — для этого задействовали почти три тысячи ученых, составителей и переписчиков; таким образом, годом окончательной работы над «Юн лэ да дянь» считается 1408 г. Однако позднее оригинал «Юн лэ да дянь» был утрачен, и к концу XIX в. сохранилось лишь 600 томов, часть из которых были вывезены за пределы Китая во время международной оккупации Пекина в 1860 и 1900 гг. Благодаря усилиям китайских ученых к настоящему времени объем известного текста энциклопедии составляет 797 цзюаней.

[1] См.: Янь дань цзы. *Гэ Хун*. Си цзин цза цзи. Текст «Янь дань цзы» неоднократно переиздавался в КНР в составе различных антологий (см., например, критический текст Ван Гэнь-линя 王根林: Хань Вэй Лючао бицзи сяошо дагуань. С. 29—44), а в 2001 г. вышел и в переводе на современный китайский язык: «Му тянь цзы чжуань» цюаньи, «Янь дань цзы» цюань и. Существует полный перевод текста «Янь дань цзы» на русский язык; перевод выполнен К. И. Голыгиной, см.: Пурпурная яшма. С. 7—22; Путь к Заоблачным Вратам. С. 23—35.

[2] *Лу Сюнь*. Чжунго сяошо шилюэ. С. 21.

[3] См.: *Хо Сун-линь*. «Янь дань цзы» чэншудэ шидай цзи цзай вого сяошо фачжань шишандэ дивэй. Исследовательница младшего поколения Сунь Цзин (孫晶 р. 1969) полагает, что «если провести исследование с привлечением исторических сочинений, анализа духа эпохи, когда создавалась эта книга, и стиля языка ее изложения, то наиболее разумным будет предположить, что "Яньский наследный принц Дань" был создан в период с конца Цинь по начало Хань» (*Сунь Цзин*. «Янь дань цзы» чэншу шидай цзици вэньти као. С. 14).

[4] *Ван Тянь-хай*. «Янь дань цзы» цзяньлунь. С. 64. Сходной точки зрения придерживается и Хоу Чжун-и (*Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньянь сяошо шигао. Т. 1. С. 10). О сборнике Чжан Хуа см. ниже.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

области старых текстов, философии, истории и теории китайской литературы Ло Гэнь-цзэ (羅根澤 1900—1960) полагал «Янь дань цзы» поздней подделкой времен правления Лю-Сун и Ци (т. е. появившейся между 420 и 502 гг.) [1]. А автор упомянутого выше современного издания «Янь дань цзы» Чэн И-чжун считает, что текст этого памятника, которым мы располагаем ныне, прошел, вне сомнений, через редакторскую обработку более позднего времени, но тем не менее можно считать, что «Янь дань цзы» является редким сохранившимся в такой полноте ханьским текстом [2]. Дополнительные трудности в датировке добавляет еще то обстоятельство, что, судя по многочисленным свидетельствам письменных источников, легший в основу «Янь дань цзы» исторический эпизод был хорошо известен и популярен в самых широких народных массах и с течением времени оброс многочисленными подробностями, вариациями и редакциями, происхождение и время возникновения которых уже не проследить [3]. Не имея возможности в рамках настоящего исследования останавливаться более подробно на этой проблеме, согласимся с выводом Хоу Чжун-и о том, что, «по всей вероятности, в конце правления Восточной Хань (25—220) данный текст уже сложился и имел тот вид, который мы знаем сегодня» [4].

Надо отметить, что в том или ином виде сюжет о Цзин Кэ, действовавшем по поручению яньского наследника Даня, зафиксирован во многих текстах ханьского времени [5]. Среди них «Янь дань цзы» выделяется и объемом и степенью художественности текста (что и позволяет рассматривать его в ряду сяошо). История о Дане и Цзин Кэ здесь предстает перед читателем развернутой в череду хронологически последовательных эпизодов, совершенно в духе Сыма Цяня. Сначала убежавший из Цинь наследник Дань вступает в пе-

---

[1] См.: *Ло Гэнь-цзэ*. «Янь дань цзы» чжэньвэй няньдайчжи цзюшо юй синькао.

[2] Янь дань цзы. *Гэ Хун*. Си цзин цза цзи. С. 6. Споры о времени создания «Янь дань цзы» продолжаются и поныне. В частности, доцент Чунцинского педагогического университета Хэ Лян (何亮 р. 1970) на основании сопоставительного анализа лексики этого текста делает вывод, что «это произведение, написанное после Западной Хань» (*Хэ Лян*. «Янь дань цзы» чэншу няньдай буи. С. 68).

[3] Р. В. Вяткин: «Рассказ о покушении Цзин Кэ на циньского вана, будущего Цинь Ши-хуана, помещен не только в "Ши цзи", но и в "Чжань го цэ", и в других сочинениях и стал, очевидно, частью фольклорного наследия китайцев» (*Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 8. С. 361).

[4] *Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньянь сяошо шигао. Т. 1. С. 10.

[5] Например, в «Лунь хэн» (論衡 «Весы суждений») Ван Чуна (王充 27—97/107?), «Фэн су тун и» Ин Шао и др. К личности Цзин Кэ обращались многие авторы (историки, философы, писатели, поэты) более поздних времен; упоминания о нем и о его покушении на Цинь Ши-хуана часты в старых китайских текстах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

переписку со своим учителем, советуясь с ним о том, как одолеть Цинь военной силой самым скорейшим образом, — ослепленный жаждой мести Дань готов на крайности, согласен погубить свое царство и погибнуть, лишь бы отомстить. В ответном письме учитель отговаривает его от немедленного выступления против Цинь, говоря о слабости Янь по сравнению с Цинь и о необходимости объединить силы с соседними царствами. Потом переписка сменяется личным общением, в результате которого наставник советует Даню обратиться к другому человеку глубокого ума — знаменитому отшельнику Тянь Гуану (田光 ?—227 до н. э.). Приглашенный ко двору Янь Тянь Гуан три месяца живет там, предаваясь раздумьям о том, как лучше осуществить месть Цинь, и в конце концов рекомендует Даню позвать на помощь благородного Цзин Кэ. Дальше одна другую сменяют сцены, показывающие, сколь прекрасно принимает Дань приехавшего по его зову Цзин Кэ, на какие жертвы (велит зарезать любимого скакуна, потому что Цзин Кэ высказал предположение, будто у того может быть вкусная печень) и расходы (велит принести полное блюдо золотых слитков, чтобы Цзин Кэ было чем бросать в лягушек в пруду) идет ради его расположения, как они вместе гуляют и беседуют. В конце концов, спустя три года окончательно убедившись в благородстве Даня и в чистоте его помыслов, Цзин Кэ составляет план проникновения ко двору Цинь — под предлогом передать циньскому правителю голову беглого полководца и план принадлежащих Янь южных земель (то есть фактически те земли подарить). Финал истории известен: Цзин Кэ погиб, не выполнив обещания убить Цинь Ши-хуана.

«Янь дань цзы», в сущности, представляет собой несколько переработанный (отредактированный, если угодно, беллетризованный) вариант биографии мстителя Цзин Кэ из «Ши цзи» (что и позволило Лу Синю заключить, что «Янь дань цзы» — не сяошо [1]). В центре внимания «Ши цзи» — не наследный принц Дань, а Цзин Кэ. Собственно, у Сыма Цяня помещено именно его жизнеописание, почему и начинается текст довольно пространным (более четырех сотен иероглифов) рассказом, посвященным судьбе Цзин Кэ до того, как он встретился с яньским наследником [2]. В «Ши цзи» есть многие исторические подробности, которых нет в «Янь дань цзы», зато в последнем тексте нашлось место художественному описанию прогулок и бесед наследника Даня с Цзин Кэ, чего нет у Сыма Цяня. Расхождения в текстах обоих памятников обнаруживаются даже в,

---

[1] *Лу Сюнь*. Чжунго сяошо шилюэ. С. 21.

[2] См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 8. С. 36—45.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

казалось бы, одинаковых по содержанию эпизодах. В качестве примера уместно будет привести финальную сцену покушения Цзин Кэ на будущего Цинь Ши-хуана. Так, в «Янь дань цзы» сказано:

Тогда Цзин Кэ левой рукою ухватил князя за рукав его платья, а мечом в правой изготовился ударить его в грудь. Но прежде чем убить князя, он стал исчислять его вины:

— Много дней прошло с тех пор, как ты провинился перед Янь; теперь ты жаждешь совершить насилие над всеми землями, какие ни есть среди Четырех морей, и не ведаешь ты в жажде своей ни удержу, ни меры. Фань Юй-ци был невиновен перед тобой, но ты истребил весь его род. Ныне Цзин Кэ намерен покарать тебя, дабы отомстить за всю Поднебесную. У яньского князя больна мать, и это заставляет Кэ торопиться. Если удастся, захвачу тебя живым, если нет — убью!

Циньский князь ответил:

— Вижу, что надлежит мне следовать вашей воле. Молю лишь об одном: дайте послушать мне цитру, и я умру.

Позвали наложницу государя. Та прикоснулась к струнам, и цитра запела:

Платья легкотканого рукав
Можно потянуть и оборвать;
Ширму высотою в восемь чи
Можно перепрыгнуть и бежать;
Меч, что за спиною прикреплен,
Можно быстро вынуть из ножон.

Цзин Кэ не понял цитры. Князь же внял цитре и выхватил меч из ножен. Затем он решительно вырвал свой рукав, перепрыгнул через ширму и побежал. Цзин Кэ метнул в князя кинжалом. Но кинжал угодил в бронзовую колонну, поранив лишь князю ухо. Из колонны во все стороны посыпались искры. Тут князь внезапно обернулся и единым взмахом меча отсек Цзин Кэ обе руки. Цзин Кэ прислонился к колонне и захохотал. Затем опустился на корточки. Он был похож на совок для мусора. Цзин Кэ сказал в сердцах:

— Так я и не предусмотрел всего, позволил мальчишке себя провести. И за Янь не отомстил, и замысел свой не исполнил [1].

Тот же эпизод у Сыма Цяня:

Цзин Кэ тут же левой рукой ухватил циньского вана за рукав, а правой схватил кинжал и нанес удар, но до тела [вана] не достал. Циньский ван испугался, вскочил, рукав его порвался. Он хотел схватиться за меч, но меч был слишком длинным, и от испуга [ван] никак не мог вытащить его из ножен. Цзин Кэ бросился за циньским ваном, но тот укрылся за круглой колонной. Присутствующие чиновники растерялись, так как все произошло слишком неожиданно, и просто не знали,

[1] Пурпурная яшма. С. 21—22. Перевод К. И. Голыгиной.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

что им делать. Вместе с тем по циньским законам придворным во время приемов в верхних покоях императора не разрешалось иметь при себе какого-либо оружия. Что же касается вооруженной охраны, то она размещалась в нижних помещениях и без повеления государя не смела подниматься наверх. В момент всеобщей растерянности никто не догадался отдать приказ находящейся внизу охране, поэтому Цзин Кэ продолжал преследовать циньского вана. В полной растерянности, не зная, чем ударить Цзин Кэ, ван пытался голыми руками отразить нападение. Но тут дворцовый лекарь Ся У-цзюй, державший в руках мешочек с лекарствами, бросил его в Цзин Кэ. Циньский ван в этот момент скрылся за колонной, он был в панике и не соображал, что делает, а придворные закричали: «Правитель, перекиньте меч за спину». Ван выхватил меч, ударил Цзин Кэ и перебил ему левую ногу. Уже покалеченный, Цзин Кэ метнул свой кинжал в циньского вана, но попал не в него, а в колонну из тунгового дерева. Циньский ван продолжал наносить удары, [и] Цзин Кэ получил восемь ран. Поняв, что его замысел окончился неудачей, Кэ, опираясь спиной о колонну зала, горько усмехнулся и, согнувшись от боли, со злостью сказал: «Мой замысел не удался, потому что я хотел захватить правителя в заложники, чтобы добиться соглашения и доложить об этом наследнику». Тогда приближенные государя подбежали и прикончили Цзин Кэ [1].

Даже в русском переводе стилистические различия обоих отрывков достаточно очевидны. Еще минский литератор Ху Ин-линь отмечал, что «Янь дань цзы» — «родоначальник старых и нынешних сяошо и биографических сочинений 雜傳» [2]. Современные китайские исследователи, считая «Янь дань цзы» одним из наиболее ранних исторических художественных произведений (*лиши сяошо* 歷史小說), в качестве особенностей, свидетельствующих в пользу этого текста как предтечи прозы сяошо, построенной на исторических фактах, справедливо отмечают акцент на повествовательности, описательной стороне, отмечают затейливость сюжетной канвы, тщательную детализацию, метафоричность и законченность изложения. Хоу Чжун-и: «Хоть по типу "Яньский наследный принц Дань" и сходен с биографическими сочинениями, но это не история, это сяошо 小說» [3]. Ван Тянь-хай подчеркивает необычайную художественность

---

[1] Перевод Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца. Цит. по кн.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 8. С. 45. Подробное сравнение «Янь дань цзы» и жизнеописания Цзин Кэ из «Ши цзи» см., например: *Чжоу Ши-гао*. «Янь дань цзы» юй «Цзин кэ ле чжуань» жэньу суцзаочжи бицзяо; *Ма Чжэнь-фан*. «Янь дань цзы» каобянь.

[2] *Ху Ин-линь*. Шао ши шань фан би цун. С. 415.

[3] См.: *Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньянь сяошо шигао. Т. 1. С. 15. Из последних работ о художественности «Янь дань цзы» см. статью Гун Цин-яня (鞏青燕 р. 1979):

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

«Янь дань цзы» в сравнении с прочими ханьскими сяошо, особенно выпуклость образов, в частности образа Цзин Кэ, называя «Янь дань цзы» предвестником более поздних новелл чуаньци [1].

Остается только удивляться тому обстоятельству, что появившиеся в ханьское время произведения подобного рода — «Янь дань цзы», «Хань у гу ши», «Хань у нэй чжуань» и «Фэй янь вай чжуань» (о которых ниже) — не вызвали волны подражаний, а данная тенденция при Хань не получила развития, подверглась забвению и вновь оказалась востребована лишь спустя столетия, с появлением новелл чуаньци при Тан (618—907). Однако внятных объяснений этому парадоксу у меня пока нет.

«Хань у гу ши» 漢武故事

Текст «Хань у гу ши» (漢武故事 «Старые истории о ханьском У[-ди]»), как видно из названия, посвящен одному из очень популярных персонажей китайской истории — седьмому императору династии Хань Лю Чэ (劉徹 156—87 до н. э., на троне 141—87 до н. э.), известному также под посмертным именем Сяо-у-ди 孝武帝 и храмовым именем Ши-цзун 世宗 [2]. Лю Чэ не зря звался У-ди, то есть Воинственный император: при нем в 133 г. до н. э. была начата длительная война с сюнну, в состав империи были включены юго-западные земли — территории совр. пров. Сычуань, Фуцзянь и Чжэцзян, были предприняты завоевательные походы по колонизации северо-запада Кореи. Правление У-ди считается одним из наивысших расцветов ханьского государства, а сам император — одним из наиболее значимых для традиционной китайской государственности владык [3]. Как справедливо заметил Ван Чжи-чжун, «среди сяошо, по-

---

Гун Цин-янь. Цун сюши ишу кань «Янь дань цзы» дэ сяошо синчжи; или работу Вэнь Минь (文敏 р. 1985): *Вэнь Минь*. «Янь дань цзы» дэ цихуань сюйши ишу.

[1] *Ван Тянь-хай*. «Янь дань цзы» цзяньлунь. С. 63—65.

[2] Другие названия памятника — «Хань у ди гу ши» (漢武帝故事 «Старые истории о ханьском У-ди») и «Хань сяо у гу ши» (漢孝武故事 «Старые истории о ханьском Сяоу-ди»). Вариант перевода названия памятника, предложенный К. И. Голыгиной: «Старинные истории о ханьском У-ди — государе Воинственном» (Пурпурная яшма. С. 44).

[3] Его пятидесятичетырехлетнее правление было ознаменовано многими новшествами и достижениями. Например, именно при У-ди конфуцианство впервые стало общегосударственной идеологией, тогда же было учреждено столичное училище Тайсюэ, введены экзамены на право замещения вакантной чиновничьей должности, расцвели науки и искусства; была как следует укреплена вертикаль власти и окончательно лишены власти вассальные владетели; была зало-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

вествующих об известных людях эпохи Хань, особенно много тех, которые живописуют образ ханьского У-ди по имени Лю Чэ» [1]. «Хань у гу ши» — одно из таких произведений.

Текст «Хань у гу ши» в первозданном виде, к сожалению, не сохранился и у Бань Гу не отмечен. Самое раннее упоминание об этом сочинении содержится в «Си цзин цза цзи» цзиньского Гэ Хуна (葛洪 283—343): «У меня, Хуна, дома есть... "Старые истории о ханьском У-[ди]" в двух цзюанях. Мало еще у кого из нынешних они есть» [2]. Сведения о том, что в «Хань у гу ши» — две цзюани, повторяются и в суйской династийной истории, и в старой танской (цз. 46); до нашего времени дошла лишь одна цзюань [3]. Из цинского библиографического сочинения «Сы ку цюань шу цзун му» известно о трех списках «Хань у гу ши», судя по всему, отличавшихся друг от друга; два из них к моменту составления каталога уже были безвозвратно утеряны [4]. Третий в количестве пятидесяти трех отрывков удалось реконструировать Лу Синю — его вариант текста до сих пор самый полный [5].

жена традиция девизов правления, изменявшихся в виду важных государственных событий или небесных знамений; был изменен календарь, цвет официальной одежды для сановников высшего ранга; был открыт и начал функционировать Великий шелковый путь; при У-ди на территорию Китая был завезен и стал культивироваться виноград; была упорядочена система денежного обращения и местным владетелям запрещено чеканить собственную монету; и многое другое. Подробнее об У-ди см.: *Чжуан Чунь-бо*. Хань У-ди пинчжуань; *Чжан Юнь-фэн*. Хань У-дади.

[1] *Ван Чжи-чжун*. Хань Вэй Лючао сяошо ши. С. 37.

[2] Янь дань цзы. *Гэ Хун*. Си цзин цза цзи. С. 45.

[3] В разных ксилографических изданиях объем текста «Хань у гу ши» или указан (одна цзюань), или не указан вовсе. Так, например, одна цзюань обозначена в сериях «Гу цзинь шо хай» (古今說海 «Море рассказов древних и нынешних») Лу Цзи (陸楫 1515—1552), «Гу цзинь и ши» (古今逸史 «Опущенное в истории древней и нынешней») У Гуаня (吳琯 1546—?), «Шо ку» (說庫 «Хранилище историй») Ван Вэнь-жу (王文濡 1867—1935), а в «Ши вань цзюань лоу цун шу» (十萬卷樓叢書 «Книжная серия терема Шиваньцзюаньлоу») Лу Синь-юаня (陸心源 1834—1894) и «Цун шу цзи чэн чу бянь» (叢書集成初編 «Начальное издание полного свода книжных серий», 1935—1937) объем не указан (подр. см.: *Чэнь Вэнь-синь*. Вэньянь сяошо шэньмэй фачжань ши. С. 37).

[4] Сы ку цюань шу цзун му. С. 1206. «С ы к у ц ю а н ь ш у ц з у н м у» (四庫全書總目 «Генеральный каталог всех книг из четырех хранилищ») — глобальная цинская библиография императорского книгохранилища, в основе которой лежит берущий начало в VI в. принцип распределения и классификации книг в старых китайских библиотеках: 四庫, «четыре хранилища», то есть конфуцианские классики (*цзин* 經), историки (*ши* 史), философы (*цзы* 子), сборники (*цзи* 集). Впервые издана в 1790—1794 гг.

[5] См.: *Лу Сюнь*. Гу сяошо гоучэнь. С. 449—472. Однако Ли Цзянь-го, который в собственных изысканиях опирается именно на список Лу Синя, подчеркивает,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

Автор «Хань у гу ши» неизвестен, но существует несколько недостоверных предположений, кто это мог быть, — главным образом, восходящих к древности. В некоторых источниках (начиная с анонимного сочинения «Сань фу хуан ту» 三輔黄 с 圖, «Подробные сведения о столичной области», VI в.) в качестве автора называется Бань Гу, но уже сунский библиограф Чао Гун-у с некоторым сомнением писал: «Передают, будто автор — Бань Гу» [1]. Тот же Чао Гун-у цитирует танского министра Чжан Цзянь-чжи (張柬之 625—706), который пишет, что автор «Хань у гу ши» — циский библиограф и литератор Ван Цзянь (王儉 452—489) [2]. Называют в качестве автора и цзиньского Гэ Хуна, и некоего Бань Чжоу 班周, что, видимо, следует рассматривать как простую ошибку (описку): Чжоу 周 вместо Гу 固 [3]. Существует также мнение Лу Синя, который писал, что ав-

что и этот список неполон: в разных источниках было обнаружено еще около сорока отрывков, предположительно из «Хань у гу ши» (см.: *Ли Цзянь-го*. Танцянь чжигуай сяошо ши. С. 174—175). Текст «Хань у гу ши» В КНР неоднократно издавался в составе различных антологий и сборников старой прозы. Существует также выполненный К. И. Голыгиной полный перевод этого произведения на русский язык (см.: Пурпурная яшма. С. 44—84; Бамбуковые страницы. С. 307—331), в русском переводе уверенно указан автор — Бань Гу (а в «Бамбуковых страницах» — Псевдо-Бань Гу). В качестве оригинала, по которому был выполнен перевод, К. И. Голыгина указывает «критический текст, опубликованный в журнале "Léctures chinoises", т. 1, Пекин, 1945» (Пурпурная яшма. С. 323); данный текст остался мне недоступным. Пользуясь случаем, приношу сердечную благодарность И. А. Сабирову, который обратил мое внимание на то, что здесь имеется в виду реконструкция «Хань у гу ши» в переводе на французский язык, выполненная A. d'Hormone и др. (Histoire anecdotique et fabuleuse de l'Empereur Wou des Han); данная публикация представляет собой попытку реконструкции не только самого текста, но и его структуры в хронологическом порядке с использованием всех известных списков, а также отрывка из «Хань у нэй чжуань».

[1] *Чао Гун-у*. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяочжэн. С. 362. Ван Чжи-чжун, ссылаясь на точно датированный отрывок (годы под девизом правления Юань-янь, 11—10 до н. э.) из «Хань у гу ши», справедливо замечает, что живший позднее Бань Гу автором этого сочинения быть никак не мог (*Ван Чжи-чжун*. Хань Вэй Лючао сяошо ши. С. 37). «Цзюнь чжай ду шу чжи» (郡齋讀書志 «Заметки о чтении книг в кабинете начальника округа») — одна из двух дошедших до наших дней сунских библиографий, составитель которой Чао Гун-у (晁公武 XII в.), унаследовав от предков огромную библиотеку, а также позднее получив в подарок от сослуживца изрядное число книг, в 1180—1187 гг. предпринял аннотированное описание оказавшихся в его распоряжении 24,5 тысячи цзюаней различных сочинений.

[2] С чем на основании анализа текста спорит Ли Цзянь-го, доказывающий, что ни Бань Гу, ни Ван Цзянь авторами «Хань у гу ши» быть не могут (*Ли Цзянь-го*. Танцянь чжигуай сяошо ши. С. 172—179), последний — хотя бы потому, что жил позднее Гэ Хуна, который уже веком ранее располагал списком этого текста.

[3] Подробнее см.: *Лю Хуа-цзин*. «Хань у гу ши» дэ цзочжэ юй чэншу шидай. С. 64—65.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

тором «Хань у гу ши» был не придворный маг (как в случае с рядом утраченных ханьских сяошо), а определенно литератор (*вэньжэнь* 文人) [1]. Наконец, Хоу Чжун-и высказывает мнение, что «Хань у гу ши» были написаны неким сочинителем из окружения Цао Цао (曹操 155—220) в Еся, жившим в конце Восточной Хань, в годы под девизом правления Цзянь-ань (196—219) [2]. Так или иначе — общепринято мнение, что автор «Хань у гу ши» неизвестен, а это сочинение уверенно датируется ханьским временем [3].

В центре повествования «Хань у гу ши» — произведения, превышающего «Янь дань цзы» по объему, — сам император У-ди; формально текст представляет собой набор хронологически выстроенных эпизодов из жизни императора, начиная с самого рождения. Здесь и сцены того, как У-ди осуществлял управление страной, и его военные походы, и описания пиров, развлечений. Хотя в основе повествования и лежат, как правило, реальные исторические события, акцент сделан в первую очередь на теме разных потусторонних и сверхъестественных явлений, на стремлении императора к обретению личного бессмертия и связанных с этим легендах. Ли Цзяньго указывает, что «Хань у гу ши» хронологически распадается на четыре тематических направления: юные годы У-ди, его взаимоотношения с дворцовыми женщинами; эпизоды, посвященные стремлению У-ди к бессмертию; разные другие связанные с У-ди эпизоды и, наконец, эпизоды о том, что было после смерти У-ди [4]. Хоу Чжун-и выделяет в «Старых историях» три основные темы: бессмертные, маги и все, что с ними связано; записи удивительных, необычайных случаев и — эпизоды из жизни У-ди, по официальным историческим сочинениям неизвестные и относящиеся скорее

---

[1] *Лу Сюнь*. Чжунго сяошо шилюэ. С. 34.

[2] *Хоу Чжун-и*. Хань Вэй Лючао сяошо ши. С. 30—34. Е с я — древний город, располагавшийся в юго-западной части совр. уезда Линьчжансянь пров. Хэбэй. В годы под девизом правления Цзянь-ань будущий основатель царства Вэй (220—265) Цао Цао управлял этими землями и, сам будучи поэтом, широко привечал в Еся литературно одаренных людей.

[3] Подробнее о датировке и авторстве «Хань у гу ши» из последних китайских работ см.: *Лю Вэнь-чжун*. «Хань у гу ши» сецзо шидай синькао; *Лю Хуа-цзин*. «Хань у гу ши» дэ цзочжэ юй чэншу шидай; *Ван Шоу-лян*. «Хань у гу ши» цзочжэ юй чэншу шидай бяньси; *Ли Чжань-фэн*, *Хуан Да-хун*. «Хань у гу ши» дэ цзочжэ каошу. Авторы двух последних работ совершенно расходятся во мнениях: Ван Шоу-лян (王守亮 р. 1971) считает, что «Хань у гу ши» написал литератор, живший в конце правления династии Хань; а Ли Чжань-фэн (李占鋒 р. 1984) и Хуан Да-хун (黄大宏 р. 1969) полагают, что это был придворный маг времен правления ханьского Чэн-ди (на троне 32—7 до н. э.).

[4] *Ли Цзянь-го*. Танцянь чжигуай сяошо ши. С. 175.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

к области народной фантазии [1]. Например — история о том, как У-ди побывал в селении Богу:

Владыка, путешествуя переодетым, прибыл в Богу и на ночь решил остановиться у дорожного смотрителя. Дорожный смотритель не принял его, и тогда [Владыка] заночевал на постоялом дворе. Старик, хозяин двора, сказал Владыке:

— Ты, такой высокий, такой сильный — должен бы в поте лица сеять да урожай собирать. Так к чему же ты с мечом на поясе да в компании ходишь по ночам, народ тревожишь? Точно уж: если не разбой умышляешь, так разврата ищешь!

Владыка хранил молчание, не отвечал. Попросил подать вина, на что старик в ответ:

— У меня только моча есть, а вина нету.

Сказал — и скрылся на внутренней половине.

Владыка послал человека проследить за ним. [Человек] видит: старик созвал десятка полтора парней, все с луками, стрелами, ножами, мечами, а жене своей велит выйти к гостям, чтобы не беспокоились.

Жена вернулась, говорит старику:

— Поглядела я на этого мужчину: необычный он человек! Да и снаряжен прекрасно. Не пройдет [ваш] план, отчего бы поэтому не принять его как полагается?

Супруг ей в ответ:

— Да тут все проще простого! Ударим в барабан, скличем людей, схватим всю банду — как тут не справиться-то!

— Тогда, — сказала жена, — сперва успокою их, пусть заснут, а уж тогда будет можно!

Тут она вышла [к гостям] и сказала Владыке:

— Вы, почтенные господа, слышали ли, что говорил старик-хозяин? Так он любит выпить, а напившись, безобразничает без меры, но сегодня почтенные господа могут спать безо всякой опаски.

И она вернулась на внутреннюю половину.

Тут как раз похолодало. Женщина согрела вина и стала от души потчевать мужа да его парней — все напились пьяные. Женщина связала мужа веревкой, а парней прогнала прочь, потом вышла к гостям — зарезала курицу, приготовила еду.

Лишь рассвело, Владыка уехал.

В тот же день он вернулся во дворцы и приказал представить пред свои очи хозяина постоялого двора и его жену: наградил женщину тысячей цзиней золота, а супруга ее назначил офицером своей личной гвардии [2].

---

[1] *Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньянь сяошо шигао. Т. 1. С. 27.

[2] *Лу Сюнь*. Гу сяошо гоучэнь. С. 455—456. Богу — местность, располагавшаяся в юго-западной части совр. уезда Линбаосянь пров. Хэнань. Цзинь — мера веса, в ханьское время один цзинь составлял около двухсот пятидесяти граммов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

Подобные эпизоды в первую очередь призваны возвеличить выдающиеся личные качества ханьского У-ди — продемонстрировать его мудрость, великодушие, государственную прозорливость, что вполне согласуется с общим тоном повествования.

Разнообразные удивительные происшествия более прочих представлены в «Хань у гу ши» — это основная тема повествования. Часто такие эпизоды тесным образом связаны с поисками путей достижения личного бессмертия, чем был так озабочен главный герой «Старых историй»:

> Из округа Дунцзюнь прислали карлика — ростом в семь цуней, одет в обычные платье и шапку. Владыка, подозревая, что это горный дух-оборотень, велел пока выпустить [карлика] на стол, а сам кликнул Дунфан Шо для разъяснений.
>
> [Дунфан] Шо, войдя, крикнул карлику:
>
> — Цзюй-лин! Как это ты вдруг здесь оказался? А богиня тоже прибыла?
>
> Ничего карлик ему не ответил, но, указав на [Дунфан] Шо, сказал Владыке:
>
> — Персики, что растут у [Си]ванму, приносят один плод раз в три тысячи лет, а этот сопляк, чуждый совести, уже трижды воровал их! Вот [он] и утерял благорасположение [Си]ванму — в наказание был изгнан сюда.
>
> Владыка был в большом испуге. Только теперь он начал понимать, что [Дунфан] Шо — человек не этого мира.
>
> А карлик сказал Владыке:
>
> — [Си]ванму послала меня, дабы сказать Вашему Величеству, что ежели Вы стремитесь познать Дао, [надо придерживаться] таких правил: жить в полном целомудрии, не предаваться разврату. Пройдет еще пять лет и [Сиванму] встретится с Вами.
>
> Сказал и исчез [1].

---

[1] *Лу Сюнь*. Гу сяошо гоушэнь. С. 462—463. Округ Дунцзюнь — занимал северо-восточную часть совр. пров. Хэнань и часть запада Шаньдуна. Цунь — мера длины, около двух с половиной сантиметров. Дунфан Шо (東方朔 154—93 до н. э.) — знаменитый ханьский сановник, толкователь чудес при дворе императора У-ди. Был неплохим поэтом, с его именем связаны многочисленные легенды. Неоднократно преподносил У-ди различные «волшебные» подарки, а однажды якобы вознесся на небо на зеленом драконе. Дунфан Шо — популярный образ древнекитайского придворного мудреца-острослова, герой многих художественных произведений, кроме того он — бессмертный, персонаж китайского народного пантеона, где выступает в качестве покровителя золотых и серебряных дел мастеров. См. «Жизнеописание Дунфан Шо» в переводе Б. Л. Рифтина: Классическая проза Дальнего Востока. С. 43—48. Цзюй-лин (巨靈 Огромный дух). — Луань Бао-цюнь 欒保群 утверждает, что в данном случае это не имя, а насмешливое прозвание, которое Дунфан Шо употребил в отношении карлика, желая его уязвить (см.: *Луань Бао-цюнь*. Чжунго

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

Эпизоды, так или иначе относящиеся к бессмертию, способам его обретения и стараниям, которые предпринимал У-ди в этом направлении, — пожалуй, самые интересные и значительные в «Хань у гу ши». В нескольких из них говорится как о Сиванму, так и о Дунфан Шо, выступающем на страницах рассказа своеобразным посредником между императором и горними сферами (хотя и изгнанным оттуда за дерзость). Есть в «Старых историях» и описание того, как многолетние чаяния У-ди исполнились, и Сиванму снизошла к нему, удостоив общения:

> В седьмой день седьмой луны <...> ночью, когда водяные часы дошли до седьмого деления, в безоблачном небе вдруг словно гром прогремел, небеса окрасились пурпуром, мгновение — и явилась [Си]ванму: в пурпурной колеснице, влекомой нефритовыми девами, с семью заколками в волосах, в туфлях, расшитых темной яшмой узорами в виде фениксов. Синий туман клубился тучами [вокруг Сиванму], и две синие птицы, по виду вороны, поддерживали [Сиван]му с двух сторон.
>
> [Сиванму] сошла с колесницы. Владыка вышел с поклоном навстречу, пригласил [Сиван]му присесть и попросил снадобье бессмертия.
>
> [Сиван]му отвечала:
>
> — Небесное снадобье состоит из пурпурного меда с горы Чжухуашань, красного меда с горы Юньшань, нефритовой росы, золотого отвара. Дальше в него добавляют настой из пятицветных облаков, плоды ветра, семена туч, темную росу и красный снег. Потом идет золотая эссенция из небесного орхидейного сада, а в конце — добавляют пурпурные яблоки с холма Юаньцю. У вас, государь, неостановимо-кипучи чувства и столь велики еще страсти сердца — снадобье бессмертия вам пока использовать нельзя.
>
> И [Сиванму] достала семь плодов персика: два съела сама, а пять отдала императору. Владыка оставил себе косточки. [Си]ванму спросила:
>
> — Зачем они вам?
>
> — Эти персики так прекрасны, хочу посадить, — отвечал Владыка.
>
> [Сиван]му засмеялась:
>
> — Такие персики приносят плод раз в три тысячи лет. На бренной земле они не прорастут.

шэньгуай дацыдянь. С. 243). Сиванму (西王母 «Владычица Запада») — женское божество, хозяйка Запада и обладательница снадобья бессмертия. В древности Сиванму, вероятно, была богиней царства мертвых, но с течением времени ее образ трансформировался. Считалось, что Сиванму со свитой обитает в горах Куньлунь, где растут персики бессмертия и где на берегу пруда Яочи стоит ее дворец Юнгун, она — хозяйка своеобразного рая бессмертных, для которых устраивает регулярные пиры. Подробнее о Сиванму см.: Духовная культура Китая. Т. 2. С. 568—569.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

> [Она] оставалась [у Владыки] до пятой стражи. Говорила о мирских делах и не желала беседовать о душах умерших и духах, а потом, словно ветер, унеслась прочь [1].

В официальной биографии ханьского У-ди, составленной Сыма Цянем («Ши цзи», цз. 12), сведений обо всех этих чудесных событиях мы не найдем, хотя про увлечение императора потусторонним и сверхъестественным великий историограф говорит часто и подробно, ибо таковы были факты [2]. В «Хань у гу ши» с реальными историческими персонажами, которых в этом произведении задействовано достаточно — сам У-ди, Дунфан Шо, знаменитый полководец и любимец У-ди Хо Цюй-бин (霍去病 140—117 до н. э.) и др., соседствуют, в отличие от биографии Сыма Цяня, и герои, историческая достоверность существования которых иными источниками не подтверждается (например, Сиванму [3]). Более того, в «Старых историях» и известные исторические персонажи часто приобретают черты существ необычайных, волшебных, сверхъестественных — скажем, тот же Дунфан Шо, который оказывается изгнанным с небес бессмертным (и не исключено, что истоки широко распространившихся впоследствии легенд о нем нужно искать в том числе в «Хань у гу ши»). Это одна из особенностей данного текста. Вторая — выдержанная на протяжении довольно обширного текста об-

---

[1] *Лу Сюнь*. Гу сяошо гоушэнь. С. 463—464. Сиванму пробыла у У-ди фактически до утра. Пятая стража — время от 3 часов ночи до 5 часов утра. Ночное время в старом Китае традиционно разбивалось на пять равных промежутков, которые хотя и колебались в зависимости от времени года, однако же в среднем составляли около двух часов каждый. Стражи отбивали в колокола или барабаны; дневное время на стражи не делилось и никак обычно не возвещалось, за исключением полудня, да и то лишь в столичных городах.

[2] При этом суждения не питавшего особой любви к своему государю Сыма Цяня (по приказу У-ди он был брошен в темницу и оскоплен) отстраненно-холодны — «поэтому Сын Неба, [хотя] мало-помалу пресытился необычными и пустыми рассказами магов, но все же не рвал с ними связей в надежде встретиться с настоящим магом. В дальнейшем магов, говоривших о жертвоприношениях духам, стало еще больше, но какой был толк, все могли видеть»; а выводы сухи и бесстрастны — «удалившись от дел, я привел в порядок все, что относилось к служению душам усопших и небесным духам, начиная с древнейших времен, и все это показал как с их внешней, так и с внутренней стороны. Таким образом, достойные мужи, которые будут жить в будущем, смогут прочитать об этом» (*Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 2. С. 284—285). Иными словами, историограф, стараясь оставаться объективным, изложил все то, чему он оказался свидетелем, в том числе — и совершенную безрезультатность попыток У-ди наладить диалог с горними сферами, а уж умные люди сами сумеют сделать из этого правильные выводы.

[3] Примерно таков же характер и жизнеописания У-ди в «Хань шу» Бань Гу (цз. 6).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

щая структура композиции произведения, хотя и подверженного очевидному влиянию биографического жанра, но тем не менее очевидно к нему не относящегося, поскольку основной идеей «Хань у гу ши» является не жизнеописание У-ди, но демонстрация на выразительных примерах его исключительности и императорской ипостаси (а имеющиеся у Сыма Цяня и Бань Гу исторические эпизоды, не отвечающие этим требованиям, в «Хань у гу ши» из идеологических соображений опущены и, видимо, вполне сознательно). Наконец, третья особенность — не менее выразительный, чем в «Янь дань цзы», и яркий язык изложения, в сравнении с которым многие классические сяошо последующих времен кажутся сухими и лаконичными.

«Хань у нэй чжуань»
漢武內傳

К «Старым историям о ханьском У[-ди]» непосредственно примыкает «Хань у нэй чжуань» (漢武內傳 «Неофициальное жизнеописание ханьского У[-ди]»)[1]. В отличие от «Хань у гу ши», «Неофициальное жизнеописание» дошло до наших дней полностью и в поле зрения официальных сочинений появилось при династии Суй, где в библиографическом разделе есть запись об этом тексте в объеме три цзюани (цз. 33). В обеих танских династийных историях «Хань у нэй чжуань» значится в размере двух цзюаней и числится в разделе сочинений даосских (цз. 46 и 59, соответственно)[2]. До наших дней дошел текст в одну цзюань, по всей вероятности — с некоторыми незначительными лакунами[3]. В настоящее время мы располагаем двумя наиболее адекватными списками данного текста — в составе антологии «Тай пин гуан цзи» и в составе «Дао цза-

---

[1] Другие названия: «Хань у ди нэй чжуань» (漢武帝內傳 «Неофициальное жизнеописание ханьского У-ди»), «Хань Сяо у нэй чжуань» (漢孝武內傳 «Неофициальное жизнеописание ханьского Сяоу-ди»), «Хань у ди чжуань» (漢武帝傳 «Жизнеописание ханьского У-ди»). К. И. Голыгина переводит название этого сочинения как «Неофициальное жизнеописание ханьского У-ди, государя Воинственного» (Бамбуковые страницы. С. 331).

[2] То есть в «Цзю тан шу» и в «Синь тан шу» (新唐書 «Новая история [династии] Тан»), составленной под руководством сунских историков и литераторов Оуян Сю (歐陽修 1007—1072) и Сун Ци (宋祁 998—1061).

[3] По крайней мере, так считают современные китайские литературоведы. См., например: *Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньянь сяошо шигао. Т. 1. С. 29.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

на» [1]. Современные издания обычно базируются на списке из «Тай пин гуан цзи» [2].

Авторство данного текста доподлинно не известно, хотя, начиная с минского времени, в некоторых антологиях значится имя Бань Гу: «В старой копии указано, что составитель — Бань Гу» [3]. Ли Цзянь-го указывает, что минский даос Бай Юнь-цзи (白雲霽 XVII в.)

---

[1] «Тай пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин») — свод, составленный специальной коллегией из одиннадцати ученых (среди них были такие известные сунские книжники Ху Мэн (扈蒙 915—986) и Ли Му (李穆 928—984)) под руководством знаменитого министра и эрудита Ли Фана (李防 924—996) по распоряжению сунского императора Тай-цзуна (на троне 967—998) и оконченный в 978 г., крайне представителен: при работе над ним, как сообщается в предисловии, было задействовано 343 сборника, главным образом сяошо разных авторов, относящихся ко времени с эпохи Хань и по начало Сун (по 977 г.). Название свода восходит к девизу правления, во время которого антология была составлена, — Тай-пин син-го (976—983). Многие из тех сборников, рассказы из которых коллегия Ли Фана использовала в данной антологии, к настоящему времени утеряны, и это делает «Тай пин гуан цзи» памятником совершенно уникальным. Материал в «Тай пин гуан цзи» систематизирован по 52 тематическим разделам, в заглавия которых вынесены те или иные ключевые понятия (категории) традиционной китайской культуры («бессмертные», «лисы-оборотни», «деревья» и т. п.); они, в свою очередь, подразделяется на полторы сотни более мелких: так, большой раздел «Животные» включает подразделы «Быки», «Лошади», «Верблюды», «Ослы», «Собаки» и т. д. «Дао цзан» (道藏 «Даосский канон») — обобщающий компендиум даосских сочинений, включающий тексты, восходящие к китайской древности, а также и более поздних времен. Современный вид приобрел при династии Мин (1368—1644) и в 1445 г. напечатан с досок — в то время «Дао цзан» состоял из 1432 текстов общим объемом в 5305 цзюаней, тематически организованных по «трем пещерам» (*сань дун* 三洞). Был дополнен в 1607 г. 56 сочинениями, тогда же и переиздан. При Цин (1644—1911) «Дао цзан» понес серьезный урон: доски, с которых собрание было напечатано, оказались утрачены, и единственный сохранившийся экземпляр полного текста был воспроизведен фототипически в 1923—1926 гг. Следует отметить, что в состав «Дао цзана» входят и недаосские сочинения (например, «Мо-цзы»).

[2] В КНР «Хань у нэй чжуань» выходило неоднократно — как правило, в составе различных антологий и подборок старых текстов. Среди последних изданий имеет смысл упомянуть: Чжунго гудай ши да чжигуай сяошо шанси. Т. 1. С. 36—73. Для этой публикации текст был подготовлен Цай Те-ином (蔡鐵鷹 р. 1954). Ученый отмечает, что между списками из «Тай пин гуан цзи» и из «Дао цзана» есть некоторые непринципиальные различия: во втором (что естественно) бóльший акцент сделан на даосские легенды о бессмертных и религиозные аспекты даосизма, а в первом выпущен ряд стихов и песен, которые читают и поют бессмертные девы (с. 65). Существует выполненный К. И. Голыгиной перевод «Хань у нэй чжуань» на русский язык, см.: Бамбуковые страницы. С. 331—347.

[3] *Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньянь сяошо цанькао цзыляо. С. 93. В публикации Цай Те-ина в качестве автора также указан Бань Гу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

считал, будто автором «Хань у нэй чжуань» был Дунфан Шо [1]. Большинство же современных китайских исследователей, сойдясь в том, что установить личность автора этого текста ныне чрезвычайно трудно (если вообще возможно), полагают, что он жил в конце правления династии Хань, однако же позднее автора «Старых историй о ханьском У[-ди]», следовательно, «Хань у нэй чжуань» появилось после «Хань у гу ши» [2].

Из названия следует, что перед нами *чжуань* 傳, то есть жизнеописание, но на самом деле «Хань у нэй чжуань» написано не в духе биографий из «Ши цзи» Сыма Цяня (чего мы могли бы ожидать от ханьского текста с родовым жанровым иероглифом в названии), хотя формально и обладает необходимым для подобного текста обрамлением, то есть описанием обстоятельств рождения У-ди и его смерти. Фактически же «Неофициальное жизнеописание» — суть один большой развернутый эпизод из биографии У-ди, а именно описание его встречи с Сиванму, и в этом смысле «Хань у гу ши» гораздо ближе к биографиям Сыма Цяня, нежели «Хань у нэй чжуань». Этот эпизод, основа которого позаимствована из «Хань у гу ши», составляет все содержание «Неофициального жизнеописания», он дан подробно, с многочисленными диалогами и с участием персонажей, в «Хань у гу ши» отсутствующих [3]. Скупые, обозначенные лишь несколькими иероглифами, события из «Хань у гу ши» в «Неофициальном жизнеописании» получили существенное развитие, количественное и качественное, превратившись в пространные и подробные описания. Например, в «Хань у гу ши» о явлении императору У-ди вестника богини Сиванму, который должен сообщить, когда наконец император сможет лицезреть богиню, сказано:

> [Си]ванму прислала гонца передать императору: «На седьмой день седьмой луны я ненадолго приду к вам» [4].

А вот как это же событие описано в «Хань у нэй чжуань»:

---

[1] *Ли Цзянь-го*. Танцянь чжигуай сяошо ши. С. 200. Там же Ли Цзянь-го упоминает, что автором «Хань у нэй чжуань» мог быть и Гэ Хун, — так считал танский Чжан Цзянь-чжи. Однако в настоящее время это мнение убедительно опровергнуто — суммарное исследование по данной теме опубликовано Дин Хун-у (丁宏武 р. 1971): *Дин Хун-у*. «Хань у ди нэй чжуань» фэй Гэ Хун чжи цзо бучжэн.

[2] И. С. Лисевич придерживался иного мнения, называя «Неофициальное жизнеописание» «безусловным продуктом эпохи Шести династий (420—581) — это видно и по лексике, и по стилю, и по наличию буддийских влияний» (Бамбуковые страницы. С. 307).

[3] Также в «Неофициальном жизнеописании» есть материалы, заимствованные из сборников «Дун мин цзи» и «Ши чжоу цзи», о которых ниже.

[4] *Лу Сюнь*. Гу сяошо гоушэнь. С. 463.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

Настал день под знаками *у-чэнь* четвертой луны. Император пребывал в отдохновении в зале Чэнхуадянь и с ним были Дунфан Шо и Дун Чжун-шу. Вдруг появилась дева в темных одеждах, красоты-прелести необычайной. Изумленный император обратился к ней с вопросом, и дева отвечала:

— Я — Ван Цзы-дэн 王子登 [1], нефритовая дева из дворца Юнгун, по приказу [Сиван]му я явилась с гор Куньлунь.

Она сказала императору:

— [Сиванму] прослышала, что вы, презрев блага земель меж четырех морей (т. е. Китая. — *И. А.*), ищете истинного пути и долгой жизни. [Вы] не раз покидали столицу, дабы вознести молитвы на великих горах — вот великая заслуга! Похоже, [вас] можно научить — так с этого дня не вкушайте скоромное, отрешитесь от мирского, и как наступит седьмой день седьмой луны, [Си]ванму явится к вам!

Император сошел с циновки, преклонил колена в благодарности, но, [лишь он] договорил, нефритовая дева вдруг пропала неведомо куда [2].

Или — описание явления Сиванму, известное нам по «Хань у гу ши» и приведенное несколькими страницами выше. Вот как оно звучит в «Неофициальном жизнеописании»:

Во вторую стражу с юго-запада налетело белое облако, которое, сгущаясь и темнея, быстро двигалось в направлении дворца. Когда облако приблизилось достаточно близко, до слуха донеслись звуки свирелей и удары гонгов, говор людей и топот коней, исходившие откуда-то из облачных завес. Несколько позднее, впрочем, за половину того времени, что вполне достаточно, чтобы принять пищу, прибыла Сиванму. Вначале перед залой опустилась стая птиц, похожих на воронов. Потом стали зримы божества и небожители. Бессмертные прибывали кто на драконах и тиграх, кто воссев на белого цилиня или белого журавля, а иные предпочли колесницы и белых скакунов. Небожителей были несметные толпы. Их прибытие сопровождалось сиянием, озарявшим все, даже отдаленные уголки залы. Но вдруг вся свита Владычицы стала невидима, осталась сама лишь Сиванму. Она восседала на колеснице среди пурпурных облаков. Колесницу влек дракон, чешуя которого переливалась и блистала девятью оттенками. Сопровождали Сиванму пятьдесят небожителей, их экипажи походили на стаю фениксов. В руках

---

[1] Здесь и далее я даю в тексте перевода в оригинальном написании имена тех персонажей, сведений о которых мне не удалось найти в доступных словарях и справочниках; возможно, эти персонажи вымышленные.

[2] Чжунго гудай ши да чжигуай сяошо шанси. Т. 1. С. 38. Дун Чжун-шу (董仲舒 190/179—120/104 до н. э.) — знаменитый ханьский мыслитель, конфуцианский философ, политик, наставник (преподавал в столичном училище), учитель Сыма Цяня. Приближенный У-ди. Знаковая фигура китайской государственности: именно он много способствовал тому, чтобы конфуцианству был придан характер государственной идеологии, что сохранилось вплоть до XX в. Дун Чжун-шу — инициатор введения основанных на знании конфуцианских текстов экзаменов на право занятия чиновничьих должностей.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

небожителей — хвостатые изукрашенные бунчуки, на поясах нефритовые печати, осыпанные алмазами, на головах — шапки, что могут носить только обладатели звания «муж высокой чистоты», все как один ростом в *чжан* с лишком. Небожители толпой заполнили залу. Вошла и Сиванму, поддерживаемая двумя девушками-служанками. Каждой лет не более семнадцати, обе в одинаковых темных коротких кофтах узорчатого сатина. Их внешность и взгляд были полны очарования и божественной грации. Поистине, то были редкие красавицы!

После того как, сойдя с колесницы, Сиванму вступила в залу, она села, обратившись лицом к востоку. На владычице был хитон из золотой парчи с четким рисунком. Блистающий лик ее был исполнен добродетели и благожелательности. Она носила на большом шнуре талисман Линфэй «Летящая душа», по талии была подвязана поясом, на коем висел меч, разрубающий тень, голову ее украшали цветы и, как знак высшей чистоты, — шапочка под названием Чэньин, что значит «Младенец с созвездия Чэнь». На ногах царицы были туфли, изукрашенные темно-красными рубинами, выложенными в виде феникса. На вид ей — не более тридцати, сложена как раз в меру — короче, она блистала естественной красотой, которая затмевала прелесть свежих цветов. Что лицом, что статью Владычица была несравненна — истинный дух Небес [1].

Разница в объеме текста и обилии деталей очевидна.

То, чего вовсе нет в «Хань у гу ши», — это описание пира с Сиванму, ее поучительные речи, раскрывающие различные положения даосской доктрины, устройство мира бессмертных и способы достижения собственно бессмертия, нет в «Хань у гу ши» и важного персонажа Шанъюань фужэнь (上元夫人 Матушка Истинного начала), наравне с Сиванму принимающая участие в беседе с императором и осуждающая его за разврат, беспутство, жестокость и агрессивность. Весь текст связан общей логикой повествования, и именно это и позволило Цай Те-ину в качестве одной из ключевых особенностей «Хань у нэй чжуань» назвать «литературность»: «Среди сочинений, посвященных ханьскому У-ди, лишь "Неофициальное жизнеописание" и может быть названо подлинным сюжетным литературным произведением» [2]. Ибо с точки зрения содержания «Хань у нэй чжуань» — цельный текст, а не набор разрозненных фрагментов, пусть и выстроенных хронологически; внимание автора сосредоточено на взаимоотношениях У-ди и Сиванму, и это единственная сюжетообразующая линия «Хань у нэй чжуань» [3].

---

[1] Перевод К. И. Голыгиной. Цит. по кн.: Бамбуковые страницы. С. 333—334. *Чжан* — мера длины, более трех метров.

[2] Чжунго гудай ши да чжигуай сяошо шанси. Т. 1. С. 72.

[3] Существует также ряд любопытных работ, посвященных развитию образа императора У-ди в прозе сяошо: *Хуан Юн*. Фанши сяошо сян даоши сяошодэ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

«Фэй янь вай чжуань»
飛燕外傳

«Фэй янь вай чжуань» (飛燕外傳 «Неканоническое жизнеописание Фэй-янь») хоть, как было сказано, традиционно и причисляется к ханьским текстам, однако же, как и в предыдущих случаях, датировка этого произведения затруднена, а авторство смутно [1]. В поле зрения китайских библиографов этот текст появляется лишь при династии Сун (960—1279), и уже тогда существовали сомнения в его подлинности — так, известный сунский книжник Чэнь Чжэнь-сунь в «Чжи чжай шу лу цзе ти» написал: «"Фэй янь вай чжуань" в одной цзюани. Автором называют ханьского Лин Сюаня 伶玄, начальника Хэдуна. [Лин Сюань] сам сообщает, что он современник Ян Сюна, но исторических свидетельств тому нет. Говорят, это поддельная книга» [2]. Начиная с Лу Синя, было принято считать, что

шаньбянь — и гу сяошо чжун Хань У-ди синсяндэ яньбянь вэйли; *Хуан Цзин-чунь*. Хань У-ди: цун лиши жэньу дао сяошо синсян; *Чжао Жун-тао*. Хань Вэй Лючао сяошочжундэ Хань У-ди синсян.

[1] Известно также под названиями «Чжао хоу бе чжуань» (趙后別傳 «Другое жизнеописание императрицы Чжао») и «Чжао фэй янь вай чжуань» (趙飛燕外傳 «Неканоническое жизнеописание Чжао Фэй-янь»). Вариант перевода названия, предложенный К. И. Голыгиной», — «Неофициальное жизнеописание Чжао — Летящей ласточки» (Пурпурная яшма. С. 23).

[2] *Чэнь Чжэнь-сунь*. Чжи чжай шу лу цзе ти. С. 195. В своей библиографии «Чжи чжай шу лу цзе ти» (直齋書錄解題 «Аннотированная библиография книг из кабинета Чжи-чжая») Чэнь Чжэнь-сунь (陳振孫 1190—1249), унаследовавший пять книжных собраний известных семей общим числом более 50 тысяч цзюаней, описал все эти книги: распределил по 53 разделам по хронологическому принципу и дал аннотации. Всего в его библиографии 22 цзюани, и это одна из четырех известных нам сунских библиографий (и одна из двух, что дошли до наших дней). Другой сунский библиограф, Чао Гун-у, сообщает, что после мятежа Ван Мана (王莽 45 до н. э.—23 н. э., основатель и единственный правитель династии Синь, на троне 8—23) «Фэй янь вэй чжуань» попало в руки Лю Гуна (劉恭 I в., сын ханьского Мин-ди), который и «распространил его в свете» (*Чао Гун-у*. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяочжэн. С. 374). Ян Сюн (揚雄 53 до н. э.—18 н. э.) — ханьский чиновник и ученый, эрудит и поэт, прославившийся своими одами и благодаря им получивший первое придворное назначение. Неясно, какой источник в данном случае имеется в виду под «[Лин Сюань] сам сообщает», поскольку известные нам сведения о Лин Сюане зафиксированы лишь в гораздо более поздней, минской антологии сяошо «Гу ши вэнь фан сяо шо» (顧氏文房小說 «Рассказы из домашней библиотеки господина Гу») известного библиофила Гу Юань-цина (顧元慶 1487—1565), где в «Авторском предисловии» Лин Сюаня сказано, что второе имя его было Цзы-юй 子于, родом Лин был из Лушуя (в совр. Хэбэе), обладал широчайшими познаниями, был знаток музыки и прекрасный литератор, а историю про Фэй-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

«Фэй янь вай чжуань» появилось скорее всего никак не раньше конца правления династии Тан (618—907), а то и в начале Сун [1]. Но некоторые современные китайские ученые полагают, что «Фэй янь вай чжуань» было все же написано до династии Тан. Хоу Чжун-и обращает внимание на строки из стихотворения танского поэта Ли Шаниня (李商隱 812—858?), свидетельствующие о его знакомстве с «Фэй янь вай чжуань», — следовательно, заключает ученый, при Тан текст этот был уже хорошо известен; танские литераторы не скрывали своих имен, не подделывались под ханьских авторов, а кроме того, что касается событий, связанных с императорским домом, в фокусе внимания танских сочинителей находилась широко известная история трагической любви императора Сюань-цзуна (玄宗 на троне 712—756) к своей прекрасной наложнице; сунских же авторов больше занимал известный стремлением к роскоши и самодурству суйский император Ян-ди (煬帝 на троне 604—618), а история Фэй-янь находилась вне области их интересов [2]. Ван Чжи-чжун,

---

янь ему рассказала наложница, которую он купил в старости, уже будучи на покое. Она и попросила Лин Сюаня историю записать. Возможно, текст этого «предисловия» был известен и раньше. Подробнее см., например: *Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньсянь сяошо цанькао цзыляо. С. 84.

[1] *Лу Сюнь*. Чжунго сяошо шилюэ. С. 39.

[2] *Хоу Чжун-и*. Чжунго вэньянь сяошо шигао. Т. 1. С. 31. Утверждение относительно сунских авторов кажется мне несколько поспешным, поскольку именно в сунское время Цинь Чунем (秦醇 XI в.), одним из двух северносунских литераторов, работавших в своих новеллах с историческим материалом (второй — Юэ Ши 樂史, 930—1007), была написана значительная по объему новелла «Чжао фэй янь бе чжуань» (趙飛燕別傳 «Другое жизнеописание Чжао Фэй-янь»), посвященная, как видно уже из названия, тому же, что и «Фэй янь вай чжуань». Новелла вошла в известный сборник Лю Фу (劉斧 ок. 1020?— после 1100) «Цин со гао и» (青瑣高議 «Высокие суждения у дворцовых ворот»). См.: *Лю Фу*. Цин со гао и. С. 74—78. Существует перевод этой новеллы на русский язык, он выполнен К. И. Голыгиной (см.: Рассказы у светильника. С. 73—81; Путь к Заоблачным Вратам. С. 36—48). Конечно, эти два произведения тесно связаны. В в своеобразном предисловии к новелле Цинь Чуня говорится: «В моих родных краях жил книжник Ли, поколения его семьи были конфуцианцами. Однажды, когда домашние мои дела пришли в запустение, я отправился навестить его и в углу его дома в драном коробе обнаружил несколько старых книг, среди которых оказалось "Чжао хоу бе чжуань" (趙后別傳 "Другое жизнеописание императрицы Чжао") — хотя и истрепанное и с перепутанными страницами, но читать вполне было можно. Я попросил книжника Ли одолжить мне эту книгу, вернулся домой, разложил страницы по порядку, и получилась история, и я передаю ее любознательным» (*Лю Фу*. Указ. соч. С. 74). То есть, по словам Цинь Цуня, выходит, будто он проделал некую редакторскую работу с текстом под названием «Чжао хоу бе чжуань» (одно из других названий «Фэй янь вай чжуань»), однако же тексты его новеллы и «Фэй янь вай чжуань» раз-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

вслед за профессором шаньдунского педагогического университета Ду Гуй-чэнем (杜貴晨 р. 1950), полагает, что Лин Сюань не был автором «Фэй янь вай чжуань», но сам этот текст тем не менее скорее ханьского времени [1]. Известный уханьский специалист по классической китайской литературе У Чжи-да рассматривает «Фэй янь вай чжуань» в числе безусловно поддельных ханьских сочинений, считая, что этот текст был создан в период Шести династий (420—581), но никак не при Тан или Сун, поскольку анализ лексики и построения текста этого не подтверждает [2]. Ли Цзянь-го, посвятивший «Фэй янь вай чжуань» отдельную статью, проанализировал доступную информацию по данному вопросу и пришел по поводу Лин Сюаня к выводу о том, что если Лин по службе дошел до столь высокого поста, но о нем самом нет никаких упоминаний в «Хань шу», то «это очень подозрительно», а сам Лин Сюань, как и сведения о нем, — всего лишь поздняя выдумка (в большинстве авторитетных списков «Фэй янь вай чжуань» Лин Сюань назван начальником Цзяндуна, но при Хань такой административной единицы не было); что же касается собственно «Фэй янь вай чжуань», то свидетельства о хорошем знакомстве с этим текстом есть не только в стихах Ли Шаниня, но и в более ранних произведениях, так что «возможно, это сочинение времен с Восточной Хань по Цзинь и Сун (с 25 по 479 г.), но, судя по классическому стилю изложения, кажется, вероятность того, что оно появилось при Восточной Хань, гораздо больше» [3]. С Ли Цзянь-го спорит шаньдунский филолог Син Пэй-шунь (邢培順 р. 1964), считающий, что в пользу создания «Фэй янь вай чжуань» в танское время говорят четыре важных аргумента: явное сходство в характере описания взаимоотношений императора и его возлюбленной с лучшими танскими образцами такого рода, например, с «Чан хэнь гэ чжуань» (長恨歌傳 «История "Песни о вечной тоске"») Чэнь Хуна (陳鴻 IX в.); стиль изложения в «Фэй янь вай чжуань» достаточно богат и художественен, а описания героев подробны и правдоподобны — подобное не встречается в дотанской прозе; язык, которым написано «Фэй янь вай чжуань», гораздо ближе к языку именно танских новелл, содержит большое количество разговорных оборотов; наконец, Син Пэй-шунь находит в тексте явные свиде-

---

нятся (иногда существенно). Тут есть куски, в «Фэй янь вай чжуань» отсутствующие, хотя общая сюжетная линия и персонажи псевдоханьскому тексту соответствуют. Попытку изучения новеллы Цинь Чуня и ее истоков см.: *Ли Цзянь-го*. Цинь Чунь «Чжао фэй янь бе чжуань» каолунь.

[1] *Ван Чжи-чжун*. Хань Вэй Лючао сяошо ши. С. 43.

[2] *У Чжи-да*. Чжунго вэньянь сяошо ши. С. 60.

[3] *Ли Цзянь-го*. Чуаньцичжи шоу «Чжао фэй янь вай чжуань». С. 34—35.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

тельства замены табуированного иероглифа *чжи* 治, имени танского Гао-цзуна (его звали Ли Чжи 李治, на троне 650—683), на другой, подходящий по смыслу, но не по звучанию, знак — *ли* 理 [1].

В настоящее время ученые сходятся на том, что «Фэй янь вай чжуань» — текст, с точки зрения авторства и времени создания оставляющий много вопросов; свойства же и содержание его таковы, что позволили минскому Ху Ин-линю назвать это сочинение «прародителем новелл чуаньци» [2]. До наших дней текст дошел полностью, в размере одной цзюани, чуть меньше трех тысяч иероглифов [3]. Мы, следуя сложившейся традиции, будем рассматривать его в рамках ханьской прозы.

В центре повествования «Фэй янь вай чжуань» жизнь двух сестер Чжао — И-чжу (宜主 ?—1 до н. э.) и Хэ-дэ 合德, девушек редкой красоты и дарований, воспитанных как придворные исполнительницы песен и танцев. И-чжу, получившая за легкость походки прозвище «Фэй-янь» (飛燕 «Летящая ласточка»), вместе с сестрой попала в императорский дворец, стала фавориткой ханьского государя Чэн-ди (成帝 на троне 33—7 до н. э.), и именно она была Чжао-хоу 趙后, императрица Чжао. Сестра ее Хэ-дэ, согласно «Фэй

---

[1] *Син Пэй-шунь*. «Чжао фэй янь вай чжуань» таньлунь. С. 59. Син Пэй-шунь в качестве примера приводит фразу из начала текста: 祖大力，工**理**樂器，事江都王, «[Ее] дед Да-ли изготавливал и чинил музыкальные инструменты, служил Цзянду-вану», и из конца — 宮人以白太后，太后使**理**昭儀, «Придворные доложили об этом императрице (т. е. об обстоятельствах смерти императора. — *И. А.*), и императрица велела призвать *чжаои* к ответу». Особенной уверенности в правоте Син Пэй-шуня у меня нет, хотя в этих примерах замена 治 на 理 действительно выглядит искуственной, вынужденной. Сжатый обзор мнений по поводу датировки «Фэй янь вай чжуань» см. в работе: *Ван Цзянь-тан*, *Сун Хай-ин*. «Фэй янь вай чжуань» дэ вэньши юй любо.

[2] *Ху Ин-линь*. Шао ши шань фан би цун. С. 416. В своем каталоге старой прозы Чэн И-чжун упоминает «Фэй янь вай чжуань» не в числе ханьских произведений, а — более поздних, с такой формулировкой: «Эпоха создания неясна, оттого ставлю перед "Записками о древнем зеркале", как начало новелл чуаньци» (*Чэн И-чжун*. Гу сяошо цзяньму. С. 37).

[3] В КНР текст «Фэй янь вай чжуань» издавался, как правило, в составе различных антологий, среди которых есть смысл назвать «Цзю сяо шо» (舊小說 «Старая проза») знаменитого коллекционера У Цзэн-ци (吳增祺 1852—1929), переизданную в 1958 г. в Шанхае; а из последних, 1999-го г., — «Го сэ тянь сян. Чжао фэй янь вай чжуань», собрание, объединяющее сборник минских новелл У Цзинсо (吳敬所 XVI в.), танскую новеллу «Ю сянь ку» (游仙窟 «Пещера странствующих бессмертных») Чжан Чжо (張鷟 658?—740) и «Фэй янь вай чжуань». Существует выполненный К. И. Голыгиной перевод «Фэй янь вай чжуань» на русский язык, см.: Пурпурная яшма. С. 23—39 (под названием «Неофициальное жизнеописание Чжао — Летящей ласточки»); Бамбуковые страницы. С. 296—305 («Неофициальное жизнеописание императрицы Чжао Фэй-янь — Ласточки»).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

янь вай чжуань», особа более добродетельная, также удостоилась внимания государя, но не согласилась стать с ним близкой без разрешения Фэй-янь. Такое разрешение воспоследовало, и Хэ-дэ пришлась по душе императору. Тем временем Фэй-янь, которой как императрице были выстроены отдельные покои, стала, пользуясь удаленностью от императорского дворца, предаваться там блуду, заботясь в первую очередь о том, чтобы зачать наследника трона, которого до сих пор у императора не было. Слухи о ее поведении быстро распространились, но Хэ-дэ, будучи уже любимицей императора, перед ним сестру всячески выгораживала, а с самой Фэй-янь держалась, как и подобает наложнице с государыней, то есть младшей по статусу. К тому времени как Хэ-дэ удостоилась титула *чжаои*, «блистающая благонравием», Фэй-янь все еще продолжала неустанно искать способ родить наследника трона, для чего помимо постоянного разврата прибегала к разного рода снадобьям и знахарям. Так продолжалось до тех пор, пока Хэ-дэ, полностью осознав силу своего влияния на императора, не стала в буквальном смысле вить из него веревки, при этом не только не подпуская его к себе, но всячески препятствуя даже созерцать свою красоту. Государь же, человек старый и больной, страдая от этого и чувствуя ослабление мужской силы, был вынужден прибегать к древнекитайскому аналогу виагры, — и однажды ночью Хэ-дэ, выпив вина больше чем нужно, вместо одной дала государю целых семь пилюль. В результате Чэн-ди умер от истощения, а сама Хэ-дэ в горе так ударила себя в грудь, что у нее пошла кровь горлом и она тоже скончалась. Таково вкратце содержание «Фэй янь вай чжуань». Чэн-ди правил на закате Западной Хань, когда страна находилась в упадке, родственники императриц и придворные евнухи в это время приобрели при дворе небывалый вес, и вскоре власть была узурпирована одним из таких родственников, Ван Маном, провозгласившим собственную династию, — в этом контексте история о Фэй-янь и Хэ-дэ приобретает вполне зловещий морализаторский характер.

Уже у ханьского Лю Сяна (к творческому наследию которого мы обратимся ниже) в сборнике «Ле нюй чжуань» (列女傳 «Отдельные жизнеописания женщин») содержится посвященное Фэй-янь и ее сестре жизнеописание, помещенное в раздел «Не би» (孽嬖 «Несущие смуту и кружащие голову») [1]. Это, в сравнении с «Фэй янь вай чжуань», довольно лаконичное произведение, выдержанное в духе остальной ханьской прозы, скупое на детали, излагающее в первую очередь факты. Акценты у Лю Сяна расставлены немного

[1] См.: *Чжан Тао*. Гу ле нюй чжуань ичжу. С. 328—329.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

иначе: «Сестры (т. е. Фэй-янь и Хэ-дэ. — *И. А.*) пользовались особым расположением [государя], но детей у них все не было. Краса их не увядала, и [сестры] ревновали [всех обитательниц] задних покоев». Далее Лю Сян приводит примеры того, как иные императорские женщины рожали от Чэн-ди детей, а Хэ-дэ (не Фэй-янь) вынуждала владыку умерщвлять их, в конце концов оставив его вовсе без наследника. То есть Лю Сян ведет речь не о безудержном разврате, которому, пользуясь крайней привязанностью императора, предавались сестры Чжао, а о том, что, не будучи в состоянии подарить государю наследника, они не давали сделать это и другим, и в этом состоит главное преступление красавиц.

Пожалуй, больше всего совпадений с «Фэй янь вай чжуань» в официальной биографии Фэй-янь, содержащейся в ханьской династийной истории (цз. 97), и это, надо полагать, и есть реальные факты из жизни императорской любимицы:

> Императрица Чжао, посмертное имя Сяо-чэн 孝成, была из чанъаньских дворцовых девушек. Когда [она] только родилась, отец с матерью не стали поднимать [ее с земли]. Прошло три дня, [Чжао] не умерла — тогда [ее] подобрали и стали кормить. Когда [Чжао] выросла, ее отдали в дом принцессы Ян-э (陽阿[公]主, старшая сводная сестра Чэн-ди. — *И. А.*), стали учить пению и танцам, прозвали Фэй-янь, Летящей ласточкой. Чэн-ди часто покидал дворец инкогнито. [Однажды он] побывал [так] у Ян-э, та устроила представление, Владыка увидел Фэй-янь и был пленен [ею]. [Он] призвал ее во дворец и даровал великое счастье. У [Фэй-янь] была младшая сестра, ее призвали во дворец тоже. Обеим даровали титул *цзеюй* — «любимая красавица», с обожанием устроили во внутренних покоях. После того как государыня Сюй была изгнана, Владыка восхотел сделать [императрицей] цзеюй Чжао, но вдовствующая императрица (Ван Чжэнь-цзюнь 王政君, 71—13 до н. э., мать Чэн-ди. — *И. А.*) воспротивилась, указав на то, сколь ничтожно происхождение [Фэй-янь]. Сын старшей сестры вдовствующей императрицы Чунь Юй-чан 淳于長, что служил в свите, много раз ходил уговаривать ее, наконец добился согласия, и тогда Владыка пожаловал [Чжао] Линя [趙] 臨, отца цзеюй Чжао, титулом Чэнъянского хоу, а через месяц с небольшим сделал цзеюй Чжао императрицей...

Далее столь же скупо, в сугубо историографической манере, сообщается о том, как Чэн-ди осчастливил и младшую сестру Фэй-янь, даровав ей титул чжаои, в каких роскошных покоях поселил, а также о том, что сестры были фаворитками императора более десяти лет, но детей так на свет и не произвели. Потом, когда Чэн-ди скоропостижно умер, вина за его смерть, в результате дворцовых интриг, была возложена на младшую сестру Фэй-янь, и она покончила с собой, а сама Фэй-янь стала вдовствующей императрицей при следующем государе. После перечисления основных фактов био-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

графии Фэй-янь историк переходит к вопросу о детоубийстве, то есть том, чего в «Фэй янь вай чжуань» нет вовсе и с чем связан основной пафос текста Лю Сяна. Сведения о том, как Фэй-янь последовательно лишала жизни рожденных от Чэн-ди мальчиков, даются в форме официального доклада новому императору и оттого претендуют на достоверность; у Лю Сяна же приведены — в хронологическом порядке, а не как дополнительные сведения — два таких эпизода.

Конечно, если сравнивать тексты Лю Сяна и «Фэй янь вай чжуань», то, как кажется, становится более очевидным, что китайские ученые, сомневающиеся в том, что последний текст действительно ханьский, имеют для этого основания, и дело тут даже не в смещении морализаторского акцента с убийства потенциальных наследников престола на разврат во имя рождения такого наследника, а в том, что «Фэй янь вай чжуань» — вполне законченное, цельное художественное произведение, богатое на красочные описания и сцены придворной жизни, персонажи его описаны выпукло, живо, даже с известной долей психологизма. То, что у ханьского Лю Сяна заключено в нескольких коротких фразах, в «Фэй янь вай чжуань» разворачивается в насыщенное подробностями повествование. Многое же из того, о чем говорится в «Фэй янь вай чжуань», у Лю Сяна (да и в ханьской династийной истории) вовсе никак не упоминается, поскольку, видимо, является плодом художественного вымысла. Например, такая известная сцена:

> Как-то раз государь и Фэй-янь любовались из павильона окрестностями. На государе была из тонкого шелка рубашка без единого шва с узором в виде набегающих волн, украшенная парой драгоценных яшм. Государыня была в наряде, присланном в дар из Южного Юэ: в изукрашенной слюдой пурпурной юбке, на коей складки были уложены наподобие струй, и поверх платье из тонкого полотна, напоминающего драгоценную красную яшму с лазоревым отливом.
>
> Фэй-янь танцевала и пела песню «Издалека несется встречный ветер». В лад ее пению государь отбивал такт, ударяя по нефритовой чаше заколкой для волос из резного носорожьего рога, меж тем как Фэн У-фан 馮無方, любимец государыни, по его повелению подыгрывал Фэй-янь на шэне — губном органчике. Неожиданно среди хмельного веселья и песен поднялся ветер. Словно вторя ветру, голос государыни зазвучал громче. Фэн У-фан в свой черед заиграл еще затейливее, и звуки шэна полились легко и нежно. Музыка и голос отвечали друг другу согласием. Вдруг ветер приподнял юбку государыни, обнажив бедра, и она закричала:
>
> — Смотрите на меня! Смотрите! — И, взмахнув развевающимися по ветру рукавами, взмолилась:
>
> — О небесная фея! Небесная фея! Отврати мою старость, верни мне молодость! Не оставь своей заботой!

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

Государь, опасаясь, что ветер вот-вот унесет ее, попросил Фэн У-фана:

— Поддержи государыню.

Отбросив шэн, У-фан успел поймать государыню за ножку.

Ветер стих, Фэй-янь залилась слезами:

— Государь был милостив и не дал мне уйти в обитель фей.

Она принялась насвистывать грустную мелодию, потом вдруг зарыдала, и слезы заструились по щекам ее.

Государь устыдился и пожалел Фэй-янь. Он одарил Фэн У-фана слитками серебра, по весу и доброте равными тысяче монет, притом дозволил ему входить в покои государыни. Через несколько дней все дворцовые красавицы обрядились в юбки, на коих складки были уложены наподобие струй, и назвали этот наряд «Юбка, за которую удержали фею» [1].

Этот и другие подобные эпизоды заставляют думать, что либо «Фэй янь вай чжуань» сильно опередило свое (ханьское) время, либо это все же более поздняя подделка, когда проза сяошо в своем развитии уже существенно шагнула вперед. Так или иначе, но, при всей близости к жанру исторического жизнеописания, композиционная стройность и целостность, сюжетная законченность, художественные достоинства «Фэй янь вай чжуань» дают нам определенное право называть это произведение ярким предшественником танских новелл, «хотя оно в сравнении с танскими новеллами зрелого периода очевидно проигрывает в детализации описаний и в выразительности языковых средств, но по сравнению с более ранними текстами такого рода, например, с "Яньским наследным принцем Данем", здесь виден значительный прогресс» [2].

Чжао Фэй-янь, сестра которой, согласно «Фэй янь вай чжуань», фактически свела ханьского императора Чэн-ди в могилу, в китайской литературной традиции осталась в первую очередь изящ-

---

[1] Перевод К. И. Голыгиной. Цит. по кн.: Бамбуковые страницы. С. 302. Царство Южное Юэ (Наньюэ) существовало с 203 по 111 г. до н. э. и занимало большую часть территории совр. пров. Гуандун и Гуанси, а также часть Фуцзяни, Гуйчжоу, Хунани, Юньнани и север совр. Вьетнама. Было уничтожено ханьским У-ди. «Государь устыдился и пожалел Фэй-янь». — К этому времени соперничество между Фэй-янь и ее сестрой Хэ-дэ достигло определенного накала, и Фэй-янь, чувствуя, что в этом соперничестве понемногу проигрывает, прибегла к такому способу воздействия на императора. Кульминации соперничество достигло в тот момент, когда сестры не поделили некоего дворцового раба Янь Чи-фэна 燕赤風 и Хэ-дэ впервые открыто выступила против Фэй-янь. Фэй-янь, не ожидавшая от внешне покорной сестры отпора, оторопела, но тут же поспешила примириться с Хэ-дэ.

[2] *Ван Чжи-чжун*. Хань Вэй Лючао сяошо ши. С. 45.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН

ной тоскующей придворной красавицей, поразительно владевшей искусством пения и танца; к этому образу так или иначе обращались многие авторы последующих времен [1].

Сборники

«Шэнь и цзин» 神異經 «Ши чжоу цзи» 十洲記

«Шэнь и цзин» (神異經 «Книга о чудесах духов») и «Ши чжоу цзи» (十洲記 «Записки о десяти сушах») возникают в поле зрения китайских библиографий в династийной истории Суй (581—618) [2]. В цз. 33 «Суй шу» (隋書 «История [династии] Суй») сказано: «"Записки о десяти сушах", одна цзюань, сочинил Дунфан Шо. "Книга о чудесах духов", одна цзюань, сочинил Дунфан Шо, комментарий Чжан Хуа». В обеих танских историях (цз. 46 и 59 соответственно) также есть «Шэнь и цзин» и «Ши чжоу цзи» за авторством Дунфан Шо, но первое сочинение — в двух цзюанях. Впервые серьезные сомнения в том, что «Шэнь и цзин» и «Ши чжоу

[1] Чжао Фэй-янь прямо и косвенно упоминается во многих стихах старых китайских поэтов — Ли Бо (李白 701—762), Сюй Нина (徐凝 IX в.), Синь Ци-цзи (辛棄疾 1140—1207), Чжан Лэя (張耒 1054—1114) и др. Кстати сказать, аллюзии и скрытые цитаты из «Фэй янь вай чжуань» в этих стихах говорят скорее о том, что данное произведение к танскому времени вошло уже в число общеизвестной классики, — еще одно возможное подтверждение тому, что история про Фэй-янь и Хэ-дэ была написана раньше, чем при Тан. В КНР был снят одноименный художественный фильм (1956) и два телевизионных сериала, посвященный Фэй-янь и обстоятельствам ее жизни (в 1996 г., 31 серия, и в 2008, 33 серии). Из «Фэй янь вай чжуань» также берут начало устойчивые обороты, часто использовавшиеся в более поздней поэзии и прозе, — «женщина-погубительница» 女人禍, «небрежность туалета» 慵來妝, «нежные объятия» 溫柔鄉 и др.

[2] Последнее произведение также известно под названиями «Хай нэй ши чжоу цзи» (海內十洲記 «Записки о десяти сушах среди морей»), «Ши чжоу сань дао цзи» (十洲三島記 «Записки о десяти сушах и трех островах»), «Хай нэй ши чжоу сань дао цзи» (海內十洲三島記 «Записки о десяти сушах и трех островах среди морей»), «Ши чжоу сянь цзи» (十洲仙記 «Записки о бессмертных с десяти суш»). Вариант перевода названия «Шэнь и цзин», данный К. И. Голыгиной, — «Книга о божествах и чудесном» (*Голыгина К. И.* Китайская проза на пороге средневековья. С. 11).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-85803-472-8/
© МАЭ РАН